

конституционном развитии, сохранение и укрепление национальных фундаментальных ценностей белорусского общества и государства».

В решениях Конституционного Суда Республики Беларусь отмечалось, что «современные процессы цифровизации затронули правовое регулирование многих общественных отношений, потребовав от законодателя отражения правовыми средствами их цифровой составляющей, а также создания правовых условий для дальнейшего внедрения цифровых инноваций».

УДК 340.1; 342.7

В.И. Павлов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДМЕТНО-ДИСЦИПЛИНАРНОЙ СПЕЦИФИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА (АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД)

Вопрос о неуловимости и непроясненности предмета конституционного права является известным в теории и методологии конституционно-правовой науки. Как верно отмечал еще в 1960-е гг. И.Е. Фарбер, «неуловимый для теоретической мысли предмет регулирования конституционного права» не должен выводиться из норм Конституции, но должен определяться практикой общественных отношений, или, по-другому, фактической конституцией. Дореволюционная юридическая наука хотя и не знала Конституции в практике государственно-правовых отношений, однако в доктринальном смысле была ближе идеям классического конституционализма, которые рецепировались из западноевропейской конституционно-правовой науки. Все государственные преобразования в империи, начиная с реформ 1860-х гг., в той или иной степени были направлены на постепенную конституционализацию монархической государственно-правовой формы, несмотря на попытки консервативных сил сдержать либерализацию государства, которая могла привести (а в итоге и привела) к его распаду. Советская государственно-правовая наука, напротив, дистанцировалась от идей европейского конституционализма, квалифицируя их как правовую форму буржуазной эксплуатации рабочего класса. В то же время в Конституции СССР и союзных республик утверждалась система прав и свобод граждан, и даже личности (раздел «Государство и личность», ст. 54, 57 и др. Конституции СССР 1977 г.), но в пределах советской идеолого-правовой программы (однопартийность, отсутствие частной собственности, разделения властей и др.). В ст. 52

Конституции БССР 1978 г., в частности, провозглашался принцип неприкосновенности личности, в ст. 55 – уважения личности. Однако модель личности и человека в советской государственно-правовой науке как составная часть ее предмета не предполагала естественно-правового юридического содержания. Это был именно «советский человек» (ст. 14 Конституции СССР 1977 г.) как «человек коммунистического общества» (преамбула Конституции СССР 1977 г.) и именно советская личность как «личность гражданина СССР» (ст. 54 Конституции СССР 1977 г.).

Ядром конституционализма как правовой идеи, науки и практики является либеральная политико-правовая концепция и идеология, которые возникли в XVII в. в Англии. В основе либерализма находится учение о человеке, его правах и свободах как надпозитивных, т. е. не исходящих от государства либо какого-либо иного социального института наивысших и самоценных благ, которые только на условиях общественного договора передаются государству, обязанному защищать и обеспечивать данные ценности и с этой же целью обязанному на правовой основе постоянно самоограничиваться в своей деятельности. Дж. Локк, отец либерализма, среди всех неотчуждаемых от человека прав в качестве главного считал право частной собственности, которое квалифицировал в качестве формы объективации и обеспечения человеческой свободы. Право на свободу и право на частную собственность, таким образом, рассматриваются как ключевые ценности либерального правопорядка. Следует отметить, что право в системе социальной онтологии либерального общества выступает верховным социальным регулятором, на принципах юридической рациональности заменяя все иные социорегулятивные системы и осуществляя за ними контроль. Разумеется, таким образом понимаемое право представлено либерально ориентированной правовой системой, функционирующей на методологических идеях естественного права, утвержденного на уровне Конституции.

В современной конституционной теории, в отличие от ее советской и дореволюционной формаций, центральным выступает именно учение о человеке и личности, ее правах и свободах. Оно же является ядром предмета конституционно-правовой науки и практики, относительно которого все иные предметные компоненты рассматриваются как производные. Данное положение понималось уже в советской государственно-правовой науке, которая хотя и сосредотачивалась на вопросах государственного строительства и концепции социалистического общества как главного субъекта государственного права, тем не менее содержала особую (социалистическую) концепцию правовой личности и человека.

Сегодня классическое новоевропейское учение о правовой личности и человеке, его правах и свободах, являясь своего рода конституционно-правовым стандартом, практически никогда не подвергается теоретико-методологической рефлексии. Впрочем, последнее десятилетие в связи с кризисом ценностей, формированием новых поколений и групп прав человека, имеющих дискуссионный характер с позиции их нравственно-этического содержания, исследователи все чаще обращаются к антрополого- и личностно-правовой проблематике в рамках конституционного права. Основная проблема в данной связи заключается не в том, что в качестве универсальных стандартов признаются определенные права и свободы на международном и национальном конституционном уровнях, а в том, какая антрополого-правовая модель как субстанция данных прав и свобод используется. Иными словами, как понимается человек и человеческая личность, что подразумевает собой человеческая свобода, защищаемая на уровне Конституции, и т. п. Нередко ответы на данные вопросы заключаются не в нормах позитивного (национального и международного) права, а в судебной практике и правовой действительности в целом. Если из одних и тех же конституционных или международно-правовых норм и стандартов в разных правовых системах судами выводятся абсолютно противоположные юридические решения, значит законодатель руководствуется разными антрополого- и личностно-правовыми моделями.

Центральным конституционно-правовым понятием учения о человеке и его личности является понятие человеческой свободы. Сразу отметим, что в конституционно-правовом смысле понятие свободы не ограничивается его юридической объективацией в правах и обязанностях: свобода принадлежит не субъекту (в данном случае гражданину), а человеку и личности. Свобода, или свободная воля человека является основой правопритязания, формирующего конкретное естественное право человека, закрепленного на уровне Конституции. В тексте Конституции Республики Беларусь указанный смысл понятия «свобода» поэтому формулируется во множественном числе – «свободы человека», наряду с его правами и в позиции отграничения от них. Понятие свобод человека и личности в прямом смысле упоминается в конституционном тексте более 30 раз. Базовый конституционный смысл свободы формулируется в ст. 2 и 21, где обеспечение свобод признается, во-первых, высшей ценностью, и, во-вторых, высшей целью государства. Однако, что понимать под свободой человека и личности в предельном конституционно-правовом смысле – именно в том, в котором данное понятие излагается в Конституции?

Новоевропейская формула правовой свободы основана на исключении нравственно-этической оценки из юридически защищаемого притязания, поскольку такая оценка, как оправдание уже включена в саму суть свободы как естественно-правовой ценности. Иными словами, сама правовая свобода уже есть ценность сама по себе. При этом учет нравственности в определении свободного волеизъявления, или нравственная балансировка свободы, в новоевропейской модели человека обеспечивается перенесением этического императива из области нравственности в область права как сферу практического разума (И. Кант). На этом основании право, понятое в новоевропейском смысле, и представляет единственную разумную форму нравственного проявления человеческой свободы, поэтому любое новое выдвигаемое человеком притязание (например, выдвигаемые в западных правовых порядках право на смену пола, право на однополый брак, право (нейроправо) на когнитивную свободу, или, напротив, запрет на притязание демонстрировать свою религиозность во время исполнения своих трудовых обязанностей по месту работы и т. п.) рассматривается не с нравственных, социокультурных и иных позиций, а с точки зрения чистой рационально-юридической аргументации.

Такая точка зрения подвергалась критике уже дореволюционным поколением правоведов (П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин и др.) и связывалась с недооценкой личностного начала в человеке и доминированием новоевропейской модели правовой личности. Учет личностно-правового начала в конституционно-правовом понимании свободы связывался в основном с включением в новоевропейскую модель человека и правовой личности нравственного измерения.

В контексте современной социокультурной ситуации и тех вызовов, которые стоят перед национальным правовым порядком, полагаем признать перспективной идею возвращения нравственно-этического измерения в конституционно-правовую оценку правовой свободы как человеческого произвола. Считаем, что это необходимая мера для сохранения собственных традиционных правовых и духовно-нравственных ценностей и правовой идентичности белорусского народа. Данная мера связана с необходимостью определенного методологического пересмотра конституционно-правовой модели правовой личности и человека. Предметно такой методологический пересмотр направлен на внимательное и глубокое изучение самих основ учения о человеке и предполагает обращение к понятию человеческой природы и личности и их различению; к выделению и разделению природных и личностных свойств человека как правового деятеля; к дифференциации естественно-правовых

и идеальных для правопорядка правопритязаний и образцов правомерного поведения и т. д.

Центральным в данной связи является положение о введении принципа нравственной балансировки конституционно-правового понятия человеческих свобод путем указания на направленность человеческого волеизъявления и притязания. Одновременно с методологической точки зрения это означает преодоление разрыва между правом и нравственностью в конституционно-правовом дискурсе. Один из вариантов реализации высказанного предложения заключается в формировании доктринального конституционно-правового различия природного и личного уровня проявления свобод человека. В первом случае свобода рассматривается как сама возможность человека выбирать и самоопределяться, но в которой имманентно не лежит еще некий высший нравственный естественно-правовой смысл. Во втором случае свобода есть конкретное личностное притязание, волеизъявление, в котором выражается отношение человека к юридически значимому элементу реальности.

Смысл указанной дифференциации заключается в том, что на природном уровне свобода и все ее производные оцениваются с позиции обеспечения ее базовой защиты и признания в качестве компонента достоинства человека. Однако это не означает еще разумности и, главное, нравственного верховенства этих природных прав, когда они используются в совершенно любом, произвольно выбранном притязании человека. Иными словами, свобода как сама возможность недетерминированного выбора еще не есть идеальная ценность права, поэтому природные свойства человека не могут выступать основанием для оправдания любых притязаний в форме естественных прав в правопорядке. Как раз напротив, человек в основном должен преодолевать, деонтологически ориентировать свои природные свойства и именно в этом и заключается его нравственное достоинство как правовой личности. В данном положении подчеркивается динамический характер понимания правовой свободы – как направленности на правовое должное. Указание на него как на деонтологический ориентир определяется понятием правового блага, присущего конкретному сообществу и им признаваемого.

Например, в одном правопорядке конституционно-правовое понятие свободы человека дает основание легализовать проституцию (легализована в Нидерландах, Германии, Австрии, Латвии, Швейцарии и некоторых других странах), и это признается в качестве правового блага с позиции толкования конституционно-правового положения о свободе человека, о праве человека на свое тело. Другой правопорядок

это же конституционно-правовое понятие свободы, естественное право человека на свое тело, напротив, воспринимает в связи с привязкой к своему правовому благу, поэтому справедливым считается как раз запрет на легализацию проституции. Однако если в последнем случае в правовом порядке используется новоевропейская концепция человека и его естественных прав, то для избежания легализации проституции и отказе лицу в интерпретации выдвигаемого им права на тело, или права на сексуальную жизнь как на разновидность конституционно защищаемых свобод, юрисдикционный орган (как правило, Конституционный Суд) оказывается в ситуации концептуально-нормативного противоречия и вынужден использовать либо доктрину фактической конституции, либо иные способы преодоления новоевропейских правовых положений.

Таким образом, предложенный подход к конституционно-правовому пониманию человеческой свободы заключается в онтологической связи последней с нравственным определением правовой воли лица, которая сама по себе, по своей природе не имеет идеального, высшего этического основания. Конституционно-правовое понятие человеческой свободы должно связываться с движением человека к правовой личности в ее идеальном значении, связанном с деонтологической направленностью природных свойств человека к правовому благу, выступающему таковым не только для конкретного лица, но и для конкретного социума, народа и государства.

УДК 342

А.А. Подупейко

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Электоральная кампания – один из важнейших механизмов, обеспечивающих государственное строительство и устойчивое общественное развитие. В Республике Беларусь термин «электоральный суверенитет» впервые нашел свое отражение в проекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Согласно данной концепции «электоральный суверенитет Республики Беларусь – неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства,